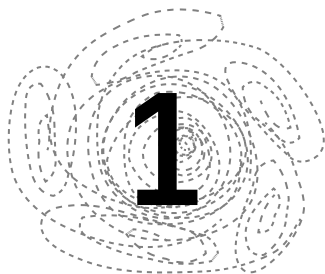

*Посвящаю эту книгу
единственному человеку,
кому вообще можно ее посвятить.*

*Таррин Фишер,
спасибо, что принимаешь тьму в людях
так же, как принимаешь их свет.*

Я слышу треск черепа, прежде чем долетают брызги крови.

Ахаю и быстро отступаю обратно, на тротуар. Туфля соскакивает с бордюра, и мне приходится ухватиться за знак «*Парковка запрещена*», чтобы удержаться на ногах.

Этот мужчина был передо мной несколько секунд назад. Мы стояли в толпе и ждали, пока переключится светофор, а потом он слишком рано выскочил на проезжую часть и попал под грузовик. Я прыгнула вперед, пытаясь его остановить — но моя рука схватила воздух, а он уже упал. Я закрыла глаза, когда его голова оказалась под колесом, но слышала хлопок, словно открыли бутылку шампанского.

Он виноват сам — вышел на дорогу, уткнувшись в телефон — возможно, побочный эффект от многократного благополучного пересечения одной и той же улицы. *Смерть от рутины.*

Люди ахают, но никто не кричит. Пассажир грузовика выпрыгивает наружу и опускается на колени рядом с телом. Делаю шаг в сторону, когда несколь-

ко человек спешат к нему на помощь. Мне не нужно смотреть на мужчину под колесом, я и так знаю, что он мертв. Достаточно посмотреть на мою некогда белую рубашку — на разбрызганную по ней кровь — и станет ясно: ему нужен катафалк, а не «Скорая».

Разворачиваюсь, чтобы уйти с места происшествия и найти, где можно перевести дух, но светофор переключается на зеленый, и плотная толпа срывается с места. Плыть против течения этой манхэттенской реки невозможно. Проходя мимо аварии, некоторые даже не отрываются от телефонов. Замираю на месте и дожидаясь, пока толпа рассосется. Оборачиваюсь, стараясь не смотреть на сбитого мужчину. Водитель грузовика стоит возле машины с испуганным видом и говорит по мобильному. Ему помогают три-четыре человека. Еще несколько, движимые нездоровым любопытством, записывают жуткую сцену на телефоны.

Если бы я по-прежнему жила в Вирджинии, все происходило бы совершенно иначе. Все бы остановилось. Поднялась бы паника, люди бы кричали, через несколько минут подъехало бы телевидение. Но здесь, на Манхэттене, машины так часто сбивают пешеходов, что это немногим серьезнее простого неудобства. Задержка в движении для одних, *испорченная одежда для других*. Вероятно, это происходит настолько часто, что даже не попадет в прессу.

Хотя равнодушие некоторых местных обитателей меня напрягает, десять лет назад я переехала в большой город именно поэтому. Людям вроде меня подходят перенаселенные города. В местах такого мас-

Майнвэй дневник Верити

штаба мои беды кажутся незначительными. Здесь полно людей с историями куда более жалостливыми, чем моя.

Здесь я невидима. Неважна. На Манхэттене слишком людно, чтобы на меня обращали внимание, и за это я его люблю.

— Вы не ранены?

Поднимаю взгляд на мужчину, который прикасается к моей руке и осматривает рубашку. С глубокой тревогой на лице он сканирует меня взглядом в поисках ранений. Судя по реакции, он к ожесточившимся обитателям Нью-Йорка не относится. Возможно, живет здесь сейчас, но явно приехал из места, где еще существует сострадание.

— Вы не ранены? — повторяет незнакомец, на этот раз глядя мне в глаза.

— Нет. Это не моя кровь. Я стояла с ним рядом, когда... — Я умолкаю. *У меня на глазах только что умер человек.* Я была так близко, что вся покрылась его кровью.

Я переехала в этот город, чтобы стать невидимой, но я точно не бессердечна. Я над этим работаю — пытаюсь стать твердой, как бетон под ногами. Получается не слишком хорошо. Чувствую, как увиденное оседает внутри.

Прикрываю рот рукой, но быстро убираю ладонь, почувствовав на губах что-то липкое. *Еще кровь.* Опускаю взгляд на рубашку. Столько крови, причем не моей. Берусь за ткань и пытаюсь оттянуть рубашку от груди, но она прилипла к коже в тех местах, где пятна начинают высыхать.

Похоже, мне нужна вода. Начинает кружиться голова, мне хочется потереть лоб, почесать нос, но я боюсь себя трогать. Смотрю на незнакомца, по-прежнему сжимающего мою руку.

— На лице тоже есть?

Он поджимает губы и отводит взгляд, осматриваясь вокруг. Жестом показывает на ближайшее кафе.

— У них должен быть туалет, — говорит он, кладет руку мне на поясницу и ведет туда.

Бросаю взгляд на другую сторону улицы, на издательство «Пантем Пресс», куда я направлялась до происшествия. Я была так близко. В нескольких метрах от встречи, где мне критически важно оказаться.

Интересно, насколько близко погибший мужчина был от своего места назначения?

Незнакомец придерживает передо мной дверь, когда мы доходим до кафе. Мимо нас пытается протиснуться женщина со стаканами кофе в обеих руках, но потом она видит мою рубашку. Пятится и пропускает нас внутрь. Я направляюсь в сторону женского туалета, но дверь заперта. Мой спутник открывает дверь мужского и жестом приглашает меня следовать за собой.

Не запирая двери, он направляется к раковине и включает воду. Я смотрю в зеркало и с облегчением вижу, что все не так плохо, как я себе представляла. Несколько потемневших брызг засыхающей крови на щеках и над бровями. К счастью, рубашка приняла основной удар на себя.

Незнакомец протягивает мне мокрые бумажные полотенца, и я вытираю лицо. Теперь я чувствую за-

Майнвэй дневник Верити

пах крови. Резкий запах воскрешает в памяти время, когда мне было десять лет. Запах крови был таким сильным, что я помню его до сих пор, столько лет спустя.

Пытаюсь задержать дыхание из-за нового приступа тошноты. Не хватало еще, чтобы меня вырвало. Но мне нужно снять эту рубашку. *Немедленно.*

Расстегиваю ее дрожащими пальцами, стягиваю и подкладываю под струю. Пока вода делает свое дело, беру у незнакомца новую порцию влажных полотенец и принимаюсь стирать кровь с груди.

Он направляется к двери, но вместо того, чтобы выйти и обеспечить мне немного личного пространства, пока я стою в своем наименее привлекательном бюстгальтере, он запирает нас изнутри, чтобы никто не зашел и не увидел меня без рубашки. Мне становится не по себе от этого возмутительно рыцарского поступка. С тревогой наблюдаю за ним через зеркало.

Кто-то стучит.

— Минуточку, — отзывается он.

Немного расслабляюсь, успокоенная мыслью, что, в крайнем случае, мой крик услышат.

Занимаюсь кровью, пока не удастся полностью оттереть шею и грудь. Потом рассматриваю волосы, поворачиваясь перед зеркалом, но нахожу лишь пару сантиметров темных корней под потускневшей «карамелью».

— Вот, — говорит мужчина, расстегивая последнюю пуговицу белоснежной рубашки, — наденьте.

Пиджак он уже повесил на ручку двери. Он снимает рубашку и остается в белой майке. Мускули-

стый, выше меня ростом. Я утону в его одежде. В таком виде на встречу приходиться нельзя, но выбора нет. Беру у него рубашку. Тянусь за новой порцией сухих полотенец, вытираю кожу, натягиваю рубашку и застегиваю пуговицы. Выглядит нелепо, но надо хотя бы радоваться, что это не *мой* череп лопнул на чей-то наряд. *Светлая сторона.*

Вытаскиваю мокрую рубашку и принимаю тот факт, что вещь уже не спасти. Выбрасываю ее в мусорное ведро, хватаюсь за раковину и плююсь на собственное отражение. На меня смотрит пара усталых, пустых глаз. Из-за ужаса недавно увиденных событий ореховый оттенок потемнел до тускло-коричневого. Растираю ладонями щеки, пытаюсь придать немного цвета, но безуспешно. Бледная как смерть.

Прислоняюсь к стене, отвернувшись от зеркала. Мой спутник развязывает галстук. Убирает его в карман пиджака и какое-то время молча меня разглядывает.

— Не понимаю, спокойны вы или в шоке.

Я не в шоке, но и спокойствием это назвать нельзя.

— Сама не знаю, — признаюсь я. — А вы в порядке?

— Нормально, — отвечает он. — К сожалению, видал и похуже.

Наклонив голову набок, я пытаюсь проанализировать загадочный ответ. Он разрывает зрительный контакт, но я всматриваюсь еще пристальнее, задавая вопросом, что может быть хуже раздавленной

Майнвэй дневник Фрэнки

фургоном головы. Может, он все же коренной житель Нью-Йорка. Или работает в больнице. В нем чувствуется уверенность, которая часто бывает у людей, отвечающих за других.

— Вы врач?

Он качает головой.

— Агент по недвижимости. Во всяком случае, бывший.

Он делает шаг вперед и протягивает руку к моему плечу, стращивая что-то с рубашки. С *его* рубашки. Несколько секунд пристально вглядывается мне в лицо и пятится назад.

Его глаза — такого же цвета, как галстук, который он только что засунул в карман. *Шартрез*. Незнакомец хорош собой, но что-то подсказывает мне, что он об этом сожалеет. Что его внешность буквально доставляет ему неудобство. Он не хочет, чтобы его замечали. И предпочитает оставаться невидимым в этом городе. *Как и я*.

Большинство людей приезжают в Нью-Йорк, чтобы их заметили. Остальные приезжают сюда прятаться.

— Как тебя зовут? — спрашивает он.

— Лоуэн.

Когда я называю свое имя, он умолкает, но лишь на несколько секунд.

— Джереми.

Он поворачивается к крану, снова включает воду и начинает мыть руки. Я продолжаю пялиться на него, не в силах подавить любопытство. Что он имел в виду, когда сказал, что видел вещи похуже слу-

чая, свидетелями которого мы стали? Он сказал, что работал агентом по недвижимости, но даже самые ужасные дни риелторской работы не могут наполнить человека такой угрюмостью.

— Что у вас произошло? — спрашиваю я.

Он смотрит на меня через зеркало.

— О чем вы?

— Вы сказали, что видели и похуже. Что именно вы видели?

Он выключает воду, вытирает руки и поворачивается ко мне.

— Вы правда хотите знать?

Я киваю.

Он выбрасывает бумажное полотенце в мусорную корзину и сует руки в карманы. Его манеры становятся еще более угрюмыми. Он смотрит мне в глаза и спокойно говорит:

— Пять месяцев назад я вытащил из озера тело своей восьмилетней дочери.

Я резко втягиваю воздух и подношу руку к шее. *Он выглядел вовсе не угрюмо. Это было отчаяние.*

— Мне очень жаль, — шепчу я.

Это правда. Мне жаль его дочь. И жаль, что я проявила любопытство.

— А вы? — спрашивает он. Прислоняется к столешнице, давая понять, что готов к этому разговору. Что ждал этого разговора. Ждал, когда встретит кого-нибудь, рядом с кем его трагедии покажутся менее трагичными. Так бывает, когда переживаешь нечто самое страшное. Ищешь людей вроде себя... Людей, которым хуже, чем тебе... И используешь их,

Майнвэй дневник Верати

чтобы почувствовать себя лучше после кошмарных вещей, которые с тобой случились.

Прежде чем заговорить, я сглатываю — теперь мои трагедии кажутся ничтожными. Вспоминаю последнюю и стесняюсь рассказывать о ней вслух — по сравнению с его она кажется совсем незначительной.

— На прошлой неделе у меня умерла мама.

Он не реагирует на мое горе так, как я отреагировала на его. Он не реагирует вообще — возможно, потому что надеялся, что у меня все хуже, чем у него. Но нет. *Он победил.*

— Как она умерла?

— Рак. Последний год я ухаживала за ней у себя в квартире. — Он первый человек, кому я сказала об этом вслух. Я чувствую на запястье биение пульса и сжимаю его другой рукой. — Сегодня я вышла на улицу впервые за несколько недель.

Еще несколько мгновений мы смотрим друг друга в глаза. Я хочу сказать что-нибудь еще, но прежде мне никогда не приходилось вести столь тяжелый разговор с абсолютно незнакомым человеком. И мне хочется его закончить, потому что куда он может завести?

Никуда. Он просто заканчивается.

Мужчина снова поворачивается к зеркалу и осматривает себя, поправляя прядь непослушных темных волос.

— У меня встреча, я должен идти. Вы уверены, что все хорошо?

Теперь он смотрит на мое отражение в зеркале.